

— Понимаю, — отозвался Ли Сянфу, словно разделяя его чувства.

Увидев это, старик Ли окончательно потерял терпение. Он не мог выносить, когда кто-то прямо у него на глазах дурачил его глупого сына:

— Ты...

Ли Сянфу положил руку на плечо Цинь Цзиню и заговорил первым:

— Иди прими душ, а я покараулю у двери.

Цинь Цзинь слегка опешил.

— Думаю, сейчас тебе хочется только одного: смыть все ледяной водой и хорошенько оттереть места, до которых дотронулись, — добавил Ли Сянфу.

— ...

Заметив его нерешительность, Ли Сянфу помрачнел:

— Неужели я ошибся?

Цинь Цзинь перевел взгляд с управляющего на разгневанную женщину, а затем бросил равнодушный взгляд на старика Ли.

— Я присмотрю и за свидетелем, и за подозреваемой. Иди спокойно мойся, обещаю: никто не уйдет.

— ...

Управляющий зашевелил губами:

— У меня там еще дела внизу...

— Я сказал, никто не уйдет! — резко повысив голос, мрачно оборвал его Ли Сянфу. Но стоило ему снова посмотреть на Цинь Цзиня, как его тон мгновенно смягчился: — Иди скорее.

Их взгляды встретились. Разглядев в глубине глаз Ли Сянфу темную бездну, напоминающую морские глубины, Цинь Цзинь наконец поднялся и медленно направился в ванную. Закрыв за собой дверь, он прислонился к ней спиной. Слегка опустив голову, он задумчиво проводил кончиками пальцев по прохладному кафелю, а затем покачал головой и беспомощно усмехнулся.

К этому моменту Цинь Цзинь уже прекрасно понял, что Ли Сянфу устроил всё это представление намеренно.

Примчаться на помощь после эсэмэски — это одно, а вот воспользоваться случаем и проучить его — совсем другое. Всё-таки, сколько бы времени ни прошло, этот парень оставался верен себе — мягкий и гладкий снаружи, но с хитрой черной начинкой внутри.

Цинь Цзинь включил душ и, взглянув на лейку, приподнял брови. С другой стороны, сидеть здесь всё же лучше, чем оставаться там.

...

Он оказался прав.

Это был самый обычный гостиничный номер. Пространства здесь было немного, а ванную комнату отделяла лишь перегородка из рифленого стекла. И хотя рассмотреть происходящее внутри было невозможно, создавалось ощущение, будто все они находятся вплотную друг к другу.

Имя Цинь Цзиня в стране знали практически все.

И вот теперь этот влиятельный человек моется за стеклом, а они стоят снаружи и караулят его. Картина выглядела до крайности нелепой и странной.

Шум льющейся воды не прекращался, отчетливо раздаваясь в ушах.

Поскольку гость принимал душ, управляющий машинально прикрыл входную дверь номера, которая до этого оставалась распахнутой. Но стоило замку щелкнуть, как обстановка показалась ему еще более неловкой. Он неловко отступил на шаг назад, пытаясь хотя бы мысленно отдалиться от происходящего.

В этот момент в голове управляющего крутилась лишь одна мысль: вернувшись, обязательно настроить весь персонал, чтобы впредь при виде пьяных гостей — неважно, мужчин или женщин — они трижды перепроверяли их реальные отношения.

Главная героиня ловушки с соблазнением растеряла всю свою прежнюю спесь и больше не сыпала проклятиями. Ей никогда в жизни не приходилось бывать в столь дикой ситуации. Было так странно, что она не понимала, стоит ли ей кричать или заговорить, а потому просто застыла на месте как вкопанная.

Наконец, стиснув зубы, она повернулась и потянулась к дверной ручке.

— Куда собралась? — ледяным тоном спросил Ли Сяньфу.

Женщина сплюнула:

— Да сдаваться я иду!

Она предпочла бы отсидеть двое суток под арестом, чем глупо торчать здесь, пока мужик моется. Раз уж сегодня всё равно ничем хорошим дело не кончится, лучше сдаться самой — глядишь, и наказание смягчат за чистосердечное.

Управляющий поспешно вставил:

— Я вас провожу.

Ему тоже позарез нужен был повод уйти.

На этот раз Ли Сяньфу препятствовать не стал.

В номере остались только старик Ли и Ли Сяньфу. Старик Ли посмотрел на сына так, словно видел его впервые. Смерив его сложным взглядом, он с головной болью в голосе спросил:

— Ты уверен, что Цинь Цзинь действительно там моется?

Цинь Цзинь вряд ли опустился бы до того, чтобы участвовать в этом балагане. Скорее всего, он

просто включил воду и прислонился к стене, пережидая время.

— Не уверен, — спокойно ответил Ли Сянфу. — Хочешь, я зайду и проверю?

И он сделал движение, будто собирается постучать.

— ...

У старика Ли даже сил ругаться на эти глупости не осталось. Подавив пульсирующую боль в висках, он лишь тяжело вздохнул.

Внезапно зазвонил телефон, на мгновение заглушив шум воды в ванной.

— Отец, — раздался в трубке голос Ли Хуайчэня. — Как у вас дела? Мне нужно приехать и во всем разобраться?

Старик Ли скосил глаза и увидел стоявшего рядом Ли Сянфу, который со скучающим видом листал что-то в телефоне. Он сразу понял, что всё это устроено нарочно — своеобразная «благодарность» за то, что в последние дни его ограничивали в свободе передвижения.

Но старый имбирь острее молодого. Разве мог старик Ли так легко позволить ему добиться своего? Прикрыв веки, он проговорил:

— Дело очень серьезное. Приезжайте все.

Ли Сянфу резко вскинул голову и с изумлением уставился на отца.

Сбросив геолокацию, старик Ли тут же повесил трубку и с невозмутимым видом прикрыл глаза, отдыхая.

— ...

Противостояние отца и сына быстро подошло к концу.

Готовя эту ловушку, Цинь Цзинь специально выбрал ресторан поближе к дому семьи Ли, чтобы Ли Сянфу мог быстро добраться, да еще и подгадал время, когда на дорогах свободнее всего.

Однако по этой же причине Ли Хуайчэню и остальным не составило труда оперативно приехать сюда.

Когда старик Ли открыл дверь, его невозмутимое выражение лица слегка изменилось:

— Зачем ты притащил с собой тетю Чжан?

— Аньцин сказала, что она занята, и попросила тетю Чжан поехать вместо нее для массовой, — ответил Ли Хуайчэнь.

— Ли... Ань... цин! — сквозь зубы процедил старик Ли.

Эти три слога он буквально выплюнул от злости.

Окинув взглядом пустую комнату, Ли Хуайчэнь повернулся к старику Ли:

— И в чем же сложность?

Шум воды в ванной прекратился, дверь отворилась, и оттуда вышел Цинь Цзинь, вытирая полотенцем мокрые волосы. Подняв глаза, он замер на месте.

Перед ним невесть откуда выстроилась целая шеренга людей всех возрастов.

Цинь Цзинь прищурился:

— Это...

— Вся моя семья, — ответил Ли Сяньфу.

— ...

Когда тетю Чжан позвали, она как раз хлопотала у себя дома. Испугавшись, что стряслось что-то срочное, она помчалась со всех ног, даже не успев снять фартук. И теперь, увидев внезапно вышедшего из ванной молодого человека, она невольно вздрогнула.

Прижав руку к груди, она в недоумении спросила:

— Сяньфу, а... а что вообще происходит?

Ли Сяньфу, не зная, что ответить, поджал губы:

— Моего друга потрогали за руку.

Стоявший позади всех Ли Шаша зевнул:

— И ради этого мы тут все дружно собрались?

— ...

Ли Шаша с самого начала не заходил в комнату, подпирая стену в коридоре и крутя кубик Рубика. Услышав детский голос, старик Ли сердито зыркнул на Ли Хуайчэня:

— Он же еще совсем ребенок, зачем ты его с собой притащил?

— Аньцин велела взять его. Сказала, если возникнут трудности, с помощью ребенка можно будет надавить на жалость.

В этот момент старик Ли наконец осознал, что вовсе не Ли Сяньфу был главным провалом его семейного воспитания. Этим провалом был Ли Аньцин.

— Паршивец, — не сдержавшись, выругался он.

Посреди всего этого хаоса Цинь Цзинь не сводил глаз с Ли Сяньфу. Почувствовав на себе его взгляд, тот слегка приподнял голову:

— Всё, что произошло сегодня... кажется, мы оба виноваты, а с другой стороны — никто не виноват.

Договорив, он усмехнулся, словно насмехаясь над самой судьбой.

Этот выверенный наклон головы под углом в сорок пять градусов, этот знакомый неформальный тон — на мгновение Цинь Цзиню показалось, будто он вернулся в то лето, когда

Ли Сяньфу еще был неформалом.

Подумав о чем-то своем, он спросил:

— И что же, по-твоему, привело к такому исходу?

— Судьба, — не задумываясь, хмуро ответил Ли Сяньфу. — Во всем виновата лишь злая судьба.

— Судьба, значит... — взгляд Цинь Цзиня на редкость растерянно блуждал по комнате. Спустя долгое время он прикрыл глаза: — Пусть будет так, как ты говоришь.

Атмосфера между ними внезапно сделалась странной, словно свежесломанный корень лотоса — тягучей и неловкой.

В комнате воцарилась внезапная тишина.

В этой звенящей тишине Ли Шаша, не спускавший глаз с этой парочки, вдруг потянул Ли Сичуня за рукав и смиренно спросил:

— Они грустят об одном и том же?

Ли Сичунь выдавил слабую улыбку:

— Возможно.

Ли Шаша нахмурился:

— Мне тоже нужно проникнуться этим настроением.

Его теоретические знания всегда были лучше, чем у носителя, так что не было причин, по которым он не смог бы уловить, что именно навяло на Ли Сяньфу такую грусть.

Сделав тихий вдох, Ли Сичунь немного отступил к двери, чтобы лучше видеть всё происходящее в номере.

Пригорюнившиеся младший брат и Цинь Цзинь, Ли Шаша, пытающийся вклиниться в их уединенный мир, старик Ли, который создал их всех по телефону полюбоваться на чужие водные процедуры... Окинув взглядом присутствующих в комнате, он вспомнил сначала Ши Чэня, который убил жену и бросил ребенка, а затем и шовиниста Гао Сюня.

— Что с тобой? — Ли Хуайчэнь был единственным, кто заметил перемену в его лице.

Ли Сичунь не ответил, а лишь спросил в ответ:

— Ты понимаешь, о чем так тоскует наш младший?

Бросив взгляд на застывшую перед ними сцену, Ли Хуайчэнь равнодушно произнес:

— Напускает туману, чтобы выйти из неловкого положения.

— А Цинь Цзинь?

— Вспоминает прошлое, — ответил Ли Хуайчэнь, и его лицо стало чуть серьезнее. — И это прошлое, боюсь, тесно связано с Сяньфу.

<http://bllate.org/book/18300/1757051>